

**СОЦИОКОГНИТИВНАЯ ТРАНЗИТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ЖИЗНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ (РУССКОЭТНИЧНАЯ МОЛОДЕЖЬ МЕГАПОЛИСА)**

© 2014

Е.В. Бакиштова, кандидат психологических наук,
доцент, декан факультета психологии

Т.К. Рулина, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Ключевые слова: социальные представления; консерватизм; инерционность; группоцентризм; квазигородская молодежь; обновление; социокогнитивная транзитивность.

Аннотация: В рамках подходов социального конструкционизма (картина мира, внутренний план реальности) и культурно-исторической опосредованности (групповые стереотипы интерпретации реальности) выполнено эмпирическое исследование социокогнитивной транзитивности (различение консервативных, транзитивных и инновационных социальных ориентаций городской и квазигородской молодежи мегаполиса). Опираясь на опыт изучения социальных представлений о различных феноменах социальной реальности, а также на метод обоснованной теории, авторы представили опросник и результаты исследования, проведенного на выборке в 300 человек русскоэтнической молодежи, проживающей в Самаре (горожане и квазигорожане). Консерватизм в данной работе рассматривается как феномен личностной и общественной мировоззренческой стагнации, отчуждения и иммобильности, формирующихся на основе использования устаревших социокогнитивных стереотипов в самоидентификационных процессах и выражающихся анахроничными, иммобильными представлениями в процессах социального сравнения, ведущих к обесценению потребностей развития личности и социальной общности. Новаторство социальных представлений возникает (и описано в статье на основе полученных результатов) как интегрированное понимание социальной реальности, в которой субъективная реальность симметрична объективной реальности, а не определенной нормативной модели. Доказано, что квазигородская молодежь трансформирует городскую ментальность (цивилизационную) в традиционалистскую. В исследовании выявлено, что социальные представления региональной молодежи актуализируют феномен консерватизма как фактор бессознательного сопротивления изменениям, хотя развиваются процессы расслоения феномена и его ослабления. В целом антагонизм социального познания модернистского и традиционалистского генеза не выявлен. Обнаружено, что городская молодежь всего лишь характеризуется более ослабленными уровнями консерватизма социальных представлений в отличие от квазигорожан.

Историческая подвижность и культурная гетерогенность характеристик развития социальных групп создает необычайно сложные условия исследования соотношения конструктов модернистского и традиционного в общественном сознании. Тем более в контексте актуальных политических трансформаций сложно разглядеть феномены отсталости, запаздывания, незрелости, несовременности социальных представлений различных общностей, которые получили легитимацию в оценочной категории «консерватизм».

Исследование социально-психологических аспектов консерватизма как феномена, затрудняющего реализацию модернистских стратегий развития сознания общества, ориентировано на выявление дифференциации социальных представлений молодежи как самой динамичной группы в условиях общественной трансформации.

Как известно, социальная общность, группа как некая социальная матрица вырабатывает критерии нормативной личности, наделенной строго определенными социальными качествами. Если традиционная общность в процессе социальной трансмиссии дает индивиду свое коллективное понимание реальности, свои мифологические матричные представления о ней, то с разрушением коллективной идентичности феномены социального познания переживают перестройку, или превращаются в реликт, или, видоизменяясь, продолжают функционировать в обновленном виде. Речь идет о «единстве психологических и идеологических элементов в самосознании личности, которые вырабатываются с помощью эмоционально-волевых и интеллектуальных механизмов и реализуются в ее мироощуще-

нии, мировоззрении и мироотношениях» [1, с. 192]. Какую перестройку переживает феномен консерватизма, как протекают его транзит и адаптация в новых цивилизационных и информационных условиях развития региональной молодежи, мы и пытаемся определить в своей работе. Ответ на этот вопрос должен способствовать пониманию парадигмы социальных представлений, служащих основанием для конструирования установок и самооценок личности в принятии более современных ориентиров познания социальной реальности. Понимая под консерватизмом познавательный способ репрезентации социальной реальности, при котором любые значения (означивания) этой реальности принимают форму общепринятых мнений, набор анахронных схем мышления, исключающих способность личности к субъективации, критичности, адекватности, мобильности, индивидуации социальных представлений, мы актуализируем проблему социокогнитивного транзита сознания русскоэтнической молодежи.

Актуальность анализа процессов ментальной адаптации молодежи обусловлена историей нашего общества. Распад Советского Союза в конце XX века привел к образованию независимых государств с новыми стратегиями идеологизации и социализации личности. Прошедшее с тех пор время свидетельствует о чрезвычайно сложных процессах переадаптации населения и глубоких психологических препятствиях на пути преобразования личности в условиях новой социальной реальности, ее познания, понимания и конструирования. Становится очевидным, что система объективных и субъективных факторов историко-культурной, социально-

феноменологической природы, обуславливающих как качество, так и вектор переадаптации общества, способствует неуспешности и стагнации традиционалистской феноменологии. В настоящее время феномены утверждения принципов и отношений гражданского общества и феномены традиционалистского ментального «обустройства» российской социальности оказываются как бы враждебными друг другу. Особенность настоящей социально-психологической ситуации заключается еще и в том, что альтернативные системы социально-психологических феноменов понимания реальности сосуществуют в самосознании каждой постсоветской личности, порождая инерционность внутриличностно-конфликтного субъекта. В феномене консервативности сливаются мировоззренческие и социально-политические аспекты сознания (и поведения) человека. Она вызывает деформации социального познания современности, замедляющей темпы понимания и репрезентации социальной реальности. Феномен консервативности как социально-психологическое свойство людей, отчужденных от актуальных процессов социального мышления, готовых принимать свое положение как должное, жить в состоянии социокультурного дискомфорта, сетуя на судьбу; людей, пренебрегающих вызовами времени, предпочитающих ценностное ориентирование на архаичные нормы и порядки существования, – не ощущается и не осознается его носителями как отставание от современности [2].

Обусловленность темпов трансформации общественного сознания типом ментальности и ментальных стереотипов представлена в науках гуманитарного плана. Это исследования философов О. Шпенглера [3], М. Хоркхаймера [4], социолога и культуролога Н.Я. Данилевского [5], историков В.О. Ключевского [6], Ф. Броделя [7], этнолога Л.Н. Гумилева [8], философа и психолога В.А. Шкуратова [9] и др. Конструкционисты предложили понятие коллективной интенциональности, объясняющее разделение общих интенциональных состояний большим количеством людей. Определяющим элементом коллективной интенциональности является чувство совместимости «убеждений, намерений и желаний» [10, с. 21].

Традиционализм и провинциализм «позднего» Советского Союза сосуществуют вместе с массовым обществом потребления, появляющимся в конце XX века. Навыки мышления групповыми стереотипами вырабатываются в ходе бесчисленных реакций на типические ситуации. Индивид участвует в процессах мышления, созданных задолго до него. Характер и положение группы, в которую включен индивид, предопределяет его мыслительные реакции на происходящее [9; 11]. В современной России исчезают геополитические провинции, но сохраняется жесткая провинциальность социального сознания личности как невротический комплекс мировоззренческой неполноценности, ведущей к неверию в собственные силы, к пренебрежению своим собственным опытом. Мы предполагаем, что цивилизационное (городское) социальное сознание, характеризующееся внутренней самодисциплиной, ответственностью и добровольно принятыми на себя обязательствами, культурными традициями, условностями, приличиями, пониманием труда как блага в условиях глобализации культур, вступает в непримиримый кон-

фликт с социальным сознанием традиционалистской архаики «местечковости» (ограниченности и замкнутости), апатии и бессилия перед новыми образцами жизни, изживших себя понятий и представлений.

Этому есть исторические предпосылки. Например, такие авторы, как Е.В. Бакшутова, Н.А. Моисеева, З.В. Сикевич, отмечают несформированность в России городской культуры [12; 13; 14]. На протяжении трех столетий русскими городами назначались большие села. В отличие от городской культуры (цивилизации) сельская ментальность не нагружена цивилизационными конструктами права, закона, ответственности, дисциплины, что справедливо отмечает В.И. Пищик [15]. По утверждению И.Г. Дубова, консервативная ориентация культуры на сохранение социальных представлений, укорененных в общественном сознании, ставит социальных субъектов в состояние неопределенности, отчуждая их от субъектных начал понимания социальной реальности [16].

Так как городское население современной России по своему генезису стало городским в лучшем случае в третьем поколении (военная эвакуация заводов и послевоенная миграция на стройки восстановления), корректно предположить сохранность «деревенских» (традиционалистских) конструктов в сознании городской социальной общности. Эта гипотеза легла в основу сравнительного исследования социального сознания (социальных представлений) городской (проживание в городе на протяжении 4–5 и более поколений) и квазигородской (проживание в городе на протяжении 1–3 поколений) выборок.

Цель исследования – выявить социокognitive транзитивность социальных представлений русскоэтнической молодежи большого города, возникающих путем экстраполяции и усиления тех элементов нормативных оценок социальной реальности, которые оцениваются положительно, а также различия между городской и квазигородской молодежью в процессе транзита социального познания. Социальные представления молодежи анализируются как комбинация доминирующих имплицитных социокognitive схем понимания реальности, различающихся уровнями выраженности феномена консерватизма.

Консерватизм в качестве предмета эмпирического исследования рассматривается нами как феномен личностной и общественной мировоззренческой стагнации, отчуждения и иммобильности, формирующихся на основе использования устаревших социокognitive стереотипов в самоидентификационных процессах и выражающихся анахроничными, иммобильными представлениями в процессах социального сравнения, ведущих к обесценению потребностей развития личности и социальной общности.

Эмпирической гипотезой является предположение, что консерватизм социальных представлений русскоэтнической молодежи переживает содержательную уровневую трансформацию, следствием чего возникают новые дифференцированные типы социогенетических схем, основанные на «сдвиге» провинциальности к обновлению социальных представлений.

Выборка и методика

Самарская выборка представлена студентами ПГСГА и СамГУ (300 человек русскоэтнической моло-

дежи), респонденты распределились на горожан в 4–5-м (и более) поколениях (городская выборка, 150 чел.-век) и в 1–3-м поколениях (квазигородская выборка, 150 человек). Исследование проходило в 2012–2014 годах. Сопоставление социальных представлений городских и квазигородских жителей проводилось в одной возрастной группе рождения (1991–1996 годы), в возрасте 17–23 лет. Респонденты проходили социализацию и получают образование в обновленном государстве и обществе в качестве первого поколения Российской Федерации, идеологией которой должны были стать принципы развития и саморазвития, транслируемые через социальные институты и образ жизни молодежи.

Первым этапом *процедуры исследования* было свободное сочинение-эссе на тему «Современный Я». Далее на основе интент-анализа индивидуальных и коллективных представлений, репрезентированных в эссе, разработан авторский опросник консерватизма социальных представлений (КСП). Разработанный с целью структуризации феноменологии консерватизма опросник опирается на метод обоснованной теории А. Страусс и Д. Корбин [17], а также учитывает опыт тематически аналогичных инструментов (В.И. Пищик «Опросник диагностики ментальности поколений», 2006 [15]; И.Г. Дубов «Опросник специфики сознания больших групп», 1999 [16]; В.Е. Семенов «Опросник базовых менталитетов», 2000 [18]). Разработанный авторский опросник исходит из принципа наложения феноменов познания традиционного общества и феноменов познания общества модерна как базового процесса ментальной трансформации.

Предварительная гипотеза о равнозначности консерватизма/модернизма или даже преобладании модернизма социальных представлений молодежной страты позволила нам предположить, что здесь будут представлены такие категории, как: индивидуализм, динамичность, эгоцентричность, мобильность, неконформизм, автономия, рационализм (системность мышления), фрустрированность. В действительности же выявлены преимущественно феномены консерватизма: антииндивидуализм, иммобильность, группоцентричность, инерционность, конформизм, антирационализм (сопряженность мышления), стабильность (психологическая ригидность).

В результате исследования семантического континуума «модернизм – консерватизм» 38,5 % квазигорожан составили подвыборку, которую, согласно условиям опросника, следует отнести к высокому уровню консерватизма социальных представлений – группа «консерваторы». Респонденты с более низким уровнем консерватизма социальных представлений составляют 61,5 % от выборки квазигорожан; данная группа определяется как социокогнитивный транзит или постконсерватизм, это средний уровень консерватизма социальных представлений, переходный. Респонденты с самым низким уровнем консерватизма социальных представлений составляют 6 % от выборки квазигорожан, и они являются носителями наиболее модернистских социальных представлений. Рассмотрим более подробно распределение характеристик социальных представлений трех подвыборок в группе квазигорожан (напомним, что это 1–3 года городской социализации).

В группе «консерваторов» преобладают характеристики (представлено среднее арифметическое – М) иммобильности (М=21,0), инерционности (М=25,8); антииндивидуализма (М=21,1), конформизма (М=25,0), группоцентризма (М=22,9), зависимости (М=24,9), антирационализма (М=25,0) и фрустрированности (М=19,3). Наибольшую согласованность «консерваторы» проявили в представлениях шкалы «инерционность».

Социальные представления молодежи из группы «постконсерваторы» («транзит») отличаются от «консерваторов» сниженным уровнем группоцентризма (М=17,0), инерционности (М=17,2), зависимости (М=17,5) и конформизма (М=17,8). Снижение уровня группоцентризма, антииндивидуализма и антирационализма социальных представлений привело к сдвигу социокогнитивной схемы сознания как следствию непрерывно меняющихся ориентиров жизни.

Группа «новаторы» самая малочисленная (6 %), однако она ярко демонстрирует сдвиг социальных представлений в сторону снижения инерционности (М=10), конформизма (М=11,3), зависимости (М=11,8) и антирационализма (М=10,8).

Дифференциация выборки «квазигорожан» дает возможность оценить тенденции транзита (весьма неявного) социальных представлений от консерватизма к модернизму. Сравнительный анализ результатов позволяет выявить наряду с «консервативной» «транзитную» («постконсервативную») и «новаторскую» модели социального сознания молодых квазигорожан. В целом, «консервативная» модель социальных представлений получила лидирующее положение в выборке квазигорожан. Из этого следует, что социальное познание квазигородской молодежи укоренено не в системе цивилизационных идеалов, устремлений, оценок, представлений реальности, а структурировано социокогнитивными схемами культурно-группового генеза, с точки зрения демократического настоящего весьма устойчиво укорененными в традиционалистском прошлом.

В городской выборке (4–5 поколения горожан) наблюдается несколько иное количественное соотношение представлений, однако общее деление на аналогичные 3 подгруппы сохраняется, что говорит об универсальности процесса транзита социальных представлений в целом социально-когнитивном континууме сознания молодежи.

Наиболее высокие результаты по шкалам консерватизма социальных представлений характерны для 56,7 % испытуемых (группа «консерваторы»). Они представлены шкалами иммобильности (М=20,0), инерционности (М=19,8), антииндивидуализма (М=21,1), конформизма (М=25,0), группоцентризма (М=22,9), зависимости (М=24,9), антирационализма (М=19,0), фрустрированности (М=19,3). Наибольшую представленность получили шкалы конформизма и зависимости. Менее выражены показатели по всем шкалам у «постконсерваторов» выборки горожан, за исключением фрустрированности: иммобильности (М=17,4), инерционности (М=17,2), антииндивидуализма (М=17,0), конформизма (М=16,5), группоцентризма (М=17,1), зависимости (М=17,5), антирационализма (М=17,9), фрустрированности (М=20,0).

Результаты выборки «новаторов» у городской молодежи представлены следующим образом: иммобильность (М=10,0), инерционность (М=7,0), антииндивидуализм

(M=10,0), конформизм (M=9,3), группоцентризм (M=9,1), зависимость (M=10,5), антирационализм (M=11,3), фрустрированность (M=18,9). Наиболее снижены результаты по шкале инерционности (M=7,0), самый высокий результат выявлен по шкале фрустрированности (M=18,9).

Сравнительный анализ уровней консерватизма социальных представлений по обеим выборкам (горожане и квазигорожане) по всем шкалам выявил различия: по шкале иммобильности $H=8,97$ при $p=0,011$, по шкале инерционности $H=24,1$ при $p=0,001$, по шкале антииндивидуализма $H=24,3$ при $p=0,001$, по шкале конформизма $H=23,7$ при $p=0,001$, по шкале группоцентризма $H=11,8$ при $p=0,003$, по шкале зависимости $H=25,1$ при $p=0,001$, по шкале антирационализма $H=8,01$ при $p=0,012$ (H-критерий Краскела-Уоллеса, где p – уровень значимости различий). Семь из восьми шкал, характеризующих феномен консерватизма социальных представлений, оказались индикаторами дифференциации феномена, за исключением субшкалы фрустрированности, которая в равной мере характерна для респондентов обеих выборок. В таблице 1 представлены различия социальных представлений в группах с разным уровнем консерватизма (1 – «консерватор», 2 – «постконсерватор», 3 – «новатор»), установленные применением H-критерия Краскала-Уоллеса для несвязанных выборок, предназначенного для оценки различий одновременно между тремя и более выборками по уровню какого-либо признака.

В результатах, представленных в таблице, показано, что между шкалами всех трех групп существуют достоверные различия, за исключением шкалы «Фрустрированность». В группе консерваторов по шкале иммобильности доминировали представления консервативно-сакрализованного геноза. Им присущ фанатизм и ахронность. Субъективное время испытуемых контролируется мистическим объектом, а не ими самими. Шкала инерционности представлена стереотипом подчинения и социального инфантилизма. Антииндивидуализм выражен ориентацией на авторитет других. Конформизм представлен массовыми клише, характерными для авторитарной личности: абсолютизацией государства, недоверием бизнесу как инновации, неверием в себя. Шкала группоцентризма объясняет внутреннюю несвободу испытуемых суждением «успех человека больше зависит от окружения и обстоятельств, чем от него самого». Ему близки и другие суждения полной

девальвацией Я. Зависимость испытуемых представлена суждением «инициатива наказуема». Это максима человека толпы, который никогда не отважится рискнуть своим привычным существованием. Антирационализм выражен осознанным представлением бессубъектного прагматика. Шкала фрустрированности представлена моралистским стереотипом, социально-инфантильным, по сути. Интегрируя социальные представления молодежи с усредненным уровнем значимости шкал, следует заключить, что социальная реальность представляется испытуемым опасным объектом, который они не контролируют, сами находясь в его власти. Власть социальной реальности над ними воплощается в образы Бога, учителей, начальников, руководителей, друзей, государства, от решения которых зависит судьба. Более всего консерваторы боятся обнаружить свое Я из-за уверенности, что оно будет отвергнуто реальностью. В группе постконсерваторов (транзит) выявлена дисперсность и нестабильность социокогнитивной идентификационной матрицы. Снижение иммобильности социальных представлений постконсерваторов связано с включением настоящего времени в субъективное время, хотя источник активности они также делегируют внешней силе. Данная шкала противоречит шкале «инерционности», в которой «обновленцы» демонстрируют потребность в активной и энергичной жизни и ощущение недостатка свободы. Шкала антииндивидуализма носит радикальный характер дихотомии коллективистических представлений. «Обновленцы» готовы нарушить общепринятые нормы поведения. Шкала конформизма также представлена дихотомическим суждением антиконформистского анархического содержания. В шкалу группоцентризма вошли эгоцентрические представления о падении уважения к своему народу и отсутствию местного патриотизма. Снижение уровня консерватизма происходит и за счет шкалы антирационализма, в которую вошли прагматические суждения. Таким образом, в концепт социальной реальности «постконсерваторов» русскоэтничной молодежи большого города на среднестатистическом уровне вошли социальные представления, противоположные консервативным представлениям.

Новаторы высоко ценят настоящее время. И хотя они уверены, что возврат к прошлому невозможен, они не утратили связей с прошлым, с которым ассоциируют активность и энергичность жизни. Когнитивная

Таблица 1. Представленность различий социальных представлений в группах с различным уровнем «консерватизма» (H-критерий Краскела-Уоллеса)

Категории феномена консерватизма (шкалы опросника)	Средние значения в группах с разным уровнем «консерватизма»			H-критерий	Значимость
	1	2	3		
Иммобильность	20,0	17,4	10,0	8,970	$p=0,011$
Инерционность	19,8	17,2	7,0	24,167	$p=0,001$
Антииндивидуализм	21,1	17,0	10,0	24,346	$p=0,001$
Конформизм	25,0	16,5	9,3	23,743	$p=0,001$
Группоцентризм	22,9	17,1	9,1	11,854	$p=0,003$
Зависимость	24,9	17,5	10,5	25,170	$p=0,001$
Антирационализм	19,0	17,9	11,3	8,924	$p=0,012$
Фрустрированность	19,3	20,0	18,9	0,962	$p=0,618$

структура социальных представлений принимает более низкий уровень инерционности и антииндивидуализма. Это свидетельствует о девальвации социоцентричности картины мира их сознания, о развитии в ней эгоцентризма и готовности личности самостоятельно добиваться своих целей.

Новаторство социальных представлений возникает как интегрированное понимание социальной реальности, в которой субъективная реальность симметрична объективной реальности, а не определенной нормативной модели. Это социально «непредопределенные» личности, хотя прошлое сохраняет для них ценность. В таком случае личностная самоидентичность начинает доминировать над социальной идентичностью.

Модернизационное переформатирование социального пространства человека и общества приводит к возникновению транзита социально-когнитивных схем понимания реальности, самопонимания, самооценки и самоотношения. Феномен консерватизма социальных представлений воспроизводится в анахроничности его картины мира, в консерватизме, ригидности, в неспособности к действию в условиях неполного знания. Он выражается в упрощении социокультурных смыслов и в усложнении и разрастании структур развивающихся самоописаний как сохранении разного рода запретов и ограничений, нелепых и неуместных с точки зрения адекватности современности, как комплекс социально-генетических черт, проявляющихся в мировоззренчески-реликтных репрезентациях реальности. Консерватизм представлений функционирует как долговременная стратегия социума на самоотстранение в условиях отчуждения, иммобилизма картины мира, причем сопротивление разного рода нововведениям проявляется как приверженность старым, ушедшим из обихода взглядам и привычкам, а не как борьба с новациями. Эффект отстранения предполагает дистанцию между изображаемой реальностью и воспринимающим сознанием, которое видит в привычном и обыденном нечто странное, привлекающее внимание новизной и необычностью.

Социальные представления региональной молодежи актуализируют феномен консерватизма как фактор бессознательного сопротивления изменениям, хотя развиваются процессы расслоения феномена и его ослабления. Антагонизм социального познания цивилизационного (модернистского) и традиционалистского генеза не выявлен. Городская молодежь характеризуется более ослабленными уровнями консерватизма социальных представлений в отличие от квазигорожан. Таким образом, молодежь постсоветского поколения, испытывая мощнейшее давление медиареальности и унифицированного образования, характеризуется как воспроизводством феномена консерватизма социальных представлений, так и ослаблением его влияния. Существование, взаимопроникновение и взаимодействие анахроничных и инновационных представлений отражается в эклектике уровней консерватизма социальных представлений региональной молодежи. Социокогнитивная система сознания молодежи характеризуется тенденцией к гетерогенности.

Консервативное означаемое утрачивает стабильность своего статуса, уступая место собственным вариантам подвергшихся транспозиции и обновлению социокогнитивных схем понимания реальности.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 25.1028.2014/К по теме «Социальная психология религиозного (конфессионального), этнонационального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевандрин Н.И. Социальная психология образования. М.: Владос, 1995. 534 с.
2. Рулина Т.К., Акопов Г.В. Информационные миры и ментальная дифференциация молодежи // Социальный мир человека. Вып. 2. Ижевск: ERGO, 2007. С. 71–74.
3. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Наука, 1993. 592 с.
4. Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 2 : 1940–1973. М.: ИФ РАН, 2010. 294 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Древнее и современное, 2002. 550 с.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 41 // Русская история : полный курс лекций в трех книгах. Кн. 2. М.: Мысль, 1993. С. 126–147.
7. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. 128 с.
8. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: АСТ, 2008. 411 с.
9. Шкуратов В.А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997. 505 с.
10. Серл Джон Р. Конструирование социальной реальности / пер. А. Романовой. СПб.: ПИТЕР, 1999. 101 с.
11. Журавлев Г. Е. Ментальность как системное понятие // Прикладная психология. 1998. № 3. С. 2–17.
12. Бакшутова Е.В. Интеллигенция в России: историко-психологический подход в изучении большой социальной группы. Самара: ПГСГА, 2011. 268 с.
13. Моисеева Н.А. Феномен провинциальной ментальности: национальный русский характер // Культура и менталитет населения Сибири : тезисы Международной научно-практической конференции. СПб., 2003. С. 121–123.
14. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М.: Механик, 2008. 208 с.
15. Пищик В.И. Ментальность поколений: психологические исследования. Ростов н/Д.: РО ИПК и ПРО, 2010. 199 с.
16. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / под ред. И.Г. Дубова. М.: Имидж-Контакт, 1997. 478 с.
17. Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
18. Семенов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Социальная психология в трудах отечественных психологов : хрестоматия. СПб., 2000. С. 485–492.

**SOCIOCOGNITIVE TRANSITIVITY OF SOCIAL UNDESTANDING
OF LIFE REALITY (ETHNIC RUSSIAN YOUTH MEGAPOLICE)**

© 2014

E.V. Bakshutova, Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of General and Social Psychology
T.K. Rulina, Candidate of Pedagogical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of General and Social Psychology
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Keywords: social understanding; conservatism; inertia; focus on a group; quasi urban youth; renewal; sociocognitive transitivity.

Annotation: The empirical study of sociocognitive transitivity (the distinction of conservative, transitive and innovative social orientations of the urban and quasi urban youth was made in the framework of a social constructionism approach (the worldview, the inner structure of the reality), and historical and cultural mediation (group stereotypes of reality interpretation). The authors have presented the questionnaire that shows conservative social views and the results of a study that has been conducted on 300 ethnic Russian young people living in Samara and related to different generations (citizens and quasi citizens). This study is based both on the experience of researchers who have developed questionnaires for studying social representations of various phenomena of social reality, and on the method of grounded theory. Conservatism in this research is regarded as a phenomenon of personal and social ideological stagnation, alienation, and immobility, which are formed through the use of outdated sociocognitive stereotypes in processes of self-identification, and expressed in anachronistic and immobile ideas in the processes of social comparison that lead to impairment of the needs for development of an individual and social community. Innovative social interpretation arises (and is described in the article based on the results of the study) as an integrated understanding of the social reality in which the subjective reality is symmetric to the objective reality and not to a particular normative model. It has been proved that quasi urban young people transform urban mentality (civilizational) into the traditionalistic one. The study has revealed that social understanding of the regional youth actualizes the phenomenon of conservatism as a factor of unconscious resistance to changes, although the processes of phenomenon stratification and its attenuation also develop. In general the antagonism of social cognition of modernist and traditionalistic origin has not been revealed. It has been found that urban youth is mostly characterized by attenuated levels of conservatism of social understanding as opposed to that of the quasi urban people.